

Научная статья
УДК 303.2:332.1
doi:10.37614/2220-802X.3.2024.85.003

ОЦЕНКА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Антон Михайлович Максимов¹, Мария Вадимовна Малыгина²

¹Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, Архангельск, Россия, amm15nov@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0959-2949

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия, m.arteeva@narfu.ru, ORCID 0009-0003-3400-0404

Аннотация. Концепция жизнестойкости применительно к сложным социальным системам используется для описания способности территории (поселения) или локального сообщества восстанавливаться после внешних шоков. В этом смысле она дополняет идеи концепции устойчивого развития, раскрывая механизмы воспроизводства в кризисных ситуациях. В научной литературе последних десятилетий разработаны подходы к оценке жизнестойкости городов, включая арктические, находящиеся в зоне повышенного риска. Однако методика комплексной оценки жизнестойкости сельских сообществ Арктики до настоящего времени недостаточно разработана и апробирована. Цель статьи заключается в оценке уровня жизнестойкости ряда сельских сообществ Ненецкого автономного округа (НАО) с последующим их сравнением и классификацией. В статье авторы, опираясь на опыт российских исследователей по измерению жизнестойкости арктических городов, предлагают собственную версию методики оценки жизнестойкости арктических сельских сообществ. В ее основе — измерение по 11 показателям (факторам жизнестойкости). Измерения по этим показателям агрегируются в интегральный индекс жизнестойкости (R-индекс), который позволяет ранжировать арктические сельские сообщества по уровню их жизнестойкости. В итоге были получены следующие результаты: все изученные сельские сообщества на основе значений R-индекса были разделены на четыре группы: 1) изолированные, с низким уровнем жизнестойкости; 2) уязвимые для внешних шоков; 3) административные центры сельских муниципалитетов со средним уровнем жизнестойкости; 4) крупные и устойчивые сельские сообщества. Выявлено, что ключевыми дифференцирующими факторами выступают особенности географического положения, транспортного сообщения и логистики, структура локальных экономик и объем демографических ресурсов; в целом для арктических сельских сообществ характерен высокий уровень социального капитала. Новизна полученных результатов заключается в применении к арктическим сельским территориям концепции жизнестойкости сообществ и приращении на этой основе эмпирического знания о факторах, определяющих собственный потенциал их развития. Дальнейшие перспективы исследования видятся в расширении его географических рамок и проведении стандартизированных массовых опросов в целях повышения точности и надежности оценок жизнестойкости сельских сообществ.

Ключевые слова: сельские территории, сельское сообщество, российская Арктика, жизнестойкость сообществ, индекс

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках государственного задания № FSRU-2023-004.
Для цитирования: Максимов А. М., Малыгина М. В. Оценка жизнестойкости сельских сообществ Ненецкого автономного округа // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2024. № 3. С. 44–59. doi:10.37614/2220-802X.3.2024.85.003.

Original article

ASSESSING THE RESILIENCE OF RURAL COMMUNITIES IN THE NENETS AUTONOMOUS OKRUG

Anton M. Maksimov¹, Mariya V. Malygina²

¹N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia, amm15nov@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0959-2949

²Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, m.arteeva@narfu.ru, ORCID 0009-0003-3400-0404

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Abstract. The concept of resilience is applied to complex social systems to describe the ability of a territory (or settlement) or local community to recover from external shocks. In this context, resilience complements the concept of sustainable development by revealing the mechanisms that enable systems to regenerate during crises. In recent decades, various approaches for assessing urban resilience, including that of Arctic cities in high-risk zones, have been developed in scientific literature. However, a comprehensive methodology for assessing the resilience of Arctic rural communities has not yet been fully developed or tested. The goal of this article is to assess the resilience of several rural communities in the Nenets Autonomous Okrug (NAO), followed by their comparison and classification. Drawing on Russian researchers' experience in measuring the resilience of Arctic cities, the authors propose their own methodology for assessing the resilience of Arctic rural communities. This methodology involves measuring 11 resilience indicators, which are aggregated into a comprehensive resilience index (R-index). The R-index enables the ranking of Arctic rural communities by their resilience levels. In the course of the study, all surveyed rural communities were classified into four groups based on R-index values: 1) isolated communities with low resilience; 2) vulnerable communities prone to external shocks; 3) administrative centers of rural municipalities with moderate resilience; 4) large and stable rural communities. The primary differentiating factors among these communities include geographical location, transport links and logistics, the structure of local economies, and demographic resources. Overall, Arctic rural communities exhibit a high level of social capital. The novelty of this study lies in its application of the community resilience concept to Arctic rural areas, contributing to a deeper understanding of the factors that shape their development potential. Future research should expand the geographical scope of the study and conduct larger surveys to improve the accuracy and reliability of rural community resilience assessments.

Keywords: rural areas, rural community, Russian Arctic, community resilience, index

Acknowledgments: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Project No. FSRU-2023-004).

For citation: Maksimov A. M., Malygina M. V. Assessing the resilience of rural communities in the Nenets Autonomous Okrug. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2024, no. 3, pp. 44–59. doi:10.37614/2220-802X.3.2024.85.003.

Введение

Арктические территории России традиционно воспринимаются как сырьевая база страны [1, с. 3]. Это восприятие нашло отражение в основополагающем документе, посвященном стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗРФ)¹. Экономическое освоение арктических территорий непредставимо без закрепления проживающего на них населения, обеспечения его социального благополучия, развития местных сообществ. Однако сегодня проблемы кадрового голода, низкого качества инфраструктуры, дорог, доступа к различным социальным услугам характерны для многих территорий, входящих в АЗРФ [2, с. 7]. С точки зрения особенностей пространственного освоения их отличает две характерные черты: во-первых, высокий уровень урбанизации²; во-вторых, «мелкодисперсная система расселения» за пределами агломераций и моногородов [3, с. 95]. Последнее обстоятельство делает особо проблемным социально-экономическое развитие сельской периферии АЗРФ. Сельские поселения в арктических регионах в массе своей располагаются в отдалении от ключевых участков транспортной сети, обеспечивающих связность между населенными пунктами, а также от административных, культурных и экономических

центров и логистических хабов, в качестве которых, как правило, выступают города. Если города российской Арктики, особенно «молодые» центры добывающей промышленности, еще способны до некоторой степени привлекать трудоспособное население, то сельские районы АЗРФ закономерно теряют свои трудовые ресурсы — главным образом за счет сильного миграционного оттока [4, с. 128]. Дефицит трудовых ресурсов существенно ограничивает возможности развития местного производства и сервисного сектора, снижает качество и объем оказываемых услуг в здравоохранении, образовании и культурно-досуговой сфере.

Негативные тенденции, характерные для значительной части сельских поселений в АЗРФ, могут компенсироваться за счет прямых дотаций из бюджетов регионального и федерального уровней, субсидирования «сельской» ипотеки, программ привлечения квалифицированных специалистов в сельскую местность и других мер внешнего регулирующего воздействия. В последние годы некоторые исследователи делают ставку в этом вопросе на планы повсеместного создания опорных населенных пунктов (ОНП) [5, с. 162]. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года³ конкретизируется это понятие. Под ним понимается муниципальное

¹ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 (ред. 21.02.2023) «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года». URL: <https://base.garant.ru/73706526> (дата обращения: 13.05.2024).

² Доля городского населения АЗРФ составляет около 87 % всех его жителей. Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года //

Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 13.05.2024).

³ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 13.05.2024).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

образование, которое находится вне границ городских агломераций. На его базе предполагается ускоренное развитие инфраструктуры, что, в свою очередь, должно обеспечивать реализацию гарантий в сфере образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и иных потребностей проживающего на территории ОНП населения.

В случае НАО, на котором сфокусирован исследовательский интерес авторов настоящей статьи, в перечень ОНП, актуальный на 2023 г.⁴, включена лишь агломерация Нарьян-Мара, что противоречит вышеописанной логике, но имеет под собой ряд рациональных оснований. Во-первых, в окружном центре проживает более половины населения НАО (57 %)⁵. Во-вторых, в Стратегии социально-экономического развития округа до 2030 года отмечается, что расположение НАО по маршруту Северного морского пути (СМП) рассматривается как фактор привлечения дополнительных инвестиций⁶. Наличие сравнительно развитой портовой инфраструктуры лишь в Нарьян-Маре делает его ключевым населенным пунктом округа на маршруте СМП.

На сегодняшний день экономика НАО имеет в основном рентный и при этом очаговый («островной») характер, ядро которой — нефтегазодобывающие проекты в северной части Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции и на шельфе Баренцева моря [6, с. 115, 121–122]. Однако такая монопрофильная структура делает экономику НАО уязвимой перед внешними вызовами, особенно с учетом перспектив «зеленого» энергоперехода. Кроме того, НАО как регион характеризуется следующими особенностями: 1) транспортно-логистическая дивергенция (некоторые территории округа имеют более сильную транспортную связность с приграничными районами соседних субъектов РФ, нежели с окружным центром); 2) дисперсное проживание почти половины населения округа на его обширной неурбанизированной территории; 3) транспортная труднодоступность многих сельских поселений, прежде всего в тундровой зоне.

Эти обстоятельства требуют более сбалансированного подхода, учитывающего необходимость комплексного развития также и сельских территорий НАО. В арктических регионах с рентной экономикой успешная реализация этой задачи требует учета не только возможностей перетока ресурсов из сырьевого сектора (через

налогово-бюджетный механизм, корпоративные программы развития территорий), но и собственного потенциала сельских поселений. Без использования последнего их поступательное развитие прекратится, как только будут приостановлены по каким-либо причинам финансовые «вливания» со стороны корпоративного сектора или федерального бюджета. Теоретическое понимание того, согласно какой логике и на основе каких параметров оценивать ресурсный потенциал сельских поселений, позволяющий им как системам не просто воспроизводиться в ординарных условиях, а восстанавливать свою функциональность после столкновения с внешними шоками и кризисными ситуациями, дает концепция жизнестойкости сообществ.

В свете вышесказанного цель этой статьи мы видим в сравнительной оценке уровня жизнестойкости ряда сельских сообществ НАО. Для достижения указанной цели в статье решаются следующие исследовательские задачи: 1) предлагается методика оценки жизнестойкости сообществ, адаптированная под специфику арктической сельской периферии, и осуществляется ее апробация; 2) рассчитываются интегральные индексы жизнестойкости сообществ для 16 населенных пунктов; 3) предлагается классификация исследованных сообществ на основе различий уровня их жизнестойкости и дается качественная характеристика каждой из выделенных групп.

Концепция жизнестойкости сообществ

Концепция жизнестойкости (резилентности) возникает в 1950-х гг. в контексте исследования психического феномена, описываемого как способность людей адаптироваться к травматическому опыту (psychological resilience). В дальнейшем термин “resilience” используется в исследованиях катастроф (disaster studies) и описывает процесс восстановления людьми привычного образа жизни на территориях, пострадавших от стихийных бедствий [7, р. 3]. На рубеже 1990-х и 2000-х гг. концепция получает дальнейшее развитие и становится теоретической рамкой для междисциплинарных исследований на стыке экологии, инженерии, теории управления и социальной антропологии [8, р. 6–9]. В этот период понятие “resilience” стало применяться для описания способности к восстановлению функциональной целостности отдельных социально-территориальных систем, таких как сообщества (communities), поселения, регионы [9, р. 6].

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 28.11.2023 № 3377-р «Об утверждении Перечня опорных населенных пунктов (муниципальных образований) АЗРФ». URL: <http://government.ru/docs/50301> (дата обращения: 13.05.2024).

⁵ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года // Федеральная служба

государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 13.05.2024).

⁶ Постановление Собрании депутатов Ненецкого автономного округа от 7.11.2019 № 256-сд «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561620008> (дата обращения: 13.05.2024).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Конкретизацией термина “resilience” в области социально-гуманитарного знания выступают “social resilience” («социальная жизнестойкость») как более широкое понятие и “community resilience” («жизнестойкость сообществ») как частный случай проявления социальной жизнестойкости [10, с. 264]. Далее под термином «жизнестойкость» мы будем подразумевать именно социальную жизнестойкость, а в тех случаях, когда нам необходимо будет подчеркнуть, что концепция жизнестойкости применяется нами к сельским сообществам, будем использовать категорию жизнестойкости сообществ.

Описывая феномен жизнестойкости сообществ, Т. Уилбэнкс (Ок-Риджская национальная лаборатория) выделяет его базовые характеристики, выражающиеся в способности сообщества как системы: а) прогнозировать внешние угрозы; б) снижать уязвимость к ним; в) эффективно нейтрализовывать их в случае возникновения; г) быстро восстанавливать свою функциональность после устранения угрозы [11, р. 10]. Способность коллективов людей учиться на своем опыте столкновения с внешними шоками, быть готовыми к их повторению и восстанавливать прежний образ жизни несмотря на их негативные последствия — это и есть основа жизнестойкости сообществ [12, р. 3].

Несмотря на то что более широкое распространение концепция жизнестойкости получила в исследованиях городов и городских сообществ [13], исторически именно сельские общины были примерами сообществ, демонстрирующих на практике высокий уровень жизнестойкости в ситуациях экономических и демографических кризисов, климатических аномалий и стихийных бедствий [14, р. 118]. Профессор университета Академии наук КНР Я. Лю и его коллеги выделяют в структуре сельского сообщества элементы двух классов: 1) «материальные» элементы — природные, экономические, демографические и прочие виды ресурсов; 2) «нематериальные» элементы — ценности, социальные нормы и установки, отношения между людьми [15, р. 137]. Эти элементы формируют природный, производственный, человеческий и социальный капиталы сельских сообществ, закладывающие прочную основу для их жизнестойкости [16; 17, р. 643]. В зависимости от вида и интенсивности внешних угроз сельские сообщества демонстрируют границы своей жизнестойкости. Интенсивные угрозы (к примеру, природные катастрофы) превышают порог жизнестойкости сообщества, разрушают локальную экономику и инфраструктуру за довольно короткое время. Это оказывает долгосрочное негативное влияние

на сельское сообщество. Существуют «умеренные» угрозы, такие как старение населения и изменение климата, которые влияют на сельские сообщества постепенно, в связи с чем у них есть время отреагировать на эти изменения и адаптироваться к новой среде [16, р. 3].

В контексте российских академических исследований к концепции социальной жизнестойкости в ее современном виде стали обращаться начиная с первой половины 2010-х гг. При этом чаще всего термин «жизнестойкость» применяется отечественными учеными к конкретным территориям, населенным пунктам, предприятиям и заметно реже — к локальным сообществам. В фокусе внимания исследователей, в первую очередь, факторы жизнестойкости изучаемых ими социально-территориальных систем. Так, Л. Ф. Лидовская выдвигает тезис о том, что повышение предпринимательской активности среди местного населения, развитие производственной кооперации, диверсификация локальной экономики увеличивают жизнестойкость соответствующей территории [18, с. 37]. В. С. Бочко, рассматривая феномен жизнестойкости территории, определяет в качестве ее ключевого фактора «наличие желания местного сообщества сравниться с другими территориями или превзойти их» [19, с. 30].

В исследованиях проблем развития территорий АЗРФ концепция жизнестойкости наиболее часто применяется для анализа потенциала развития арктических городов. Так, Н. Ю. Замятина и ее соавторы обосновывают продуктивность применения этой концепции при изучении городских поселений в Арктике тем, что последние отличаются повышенной уязвимостью как с точки зрения природной среды, так и в сфере социально-экономического развития. Концепция жизнестойкости предлагает исследовательскую оптику, полезную для понимания механизмов устойчивости городов как социально-территориальных систем в условиях периодически возникающих кризисов [20, с. 53; 21, с. 490]. А. Н. Пилясов и В. А. Молодцова на основе концепции жизнестойкости разработали и апробировали на материалах по 29 крупнейшим арктическим городам России методику расчета интегрального индекса жизнестойкости, выявив самые устойчивые и самые уязвимые к внешним шокам города АЗРФ [22]. Они же акцентировали роль административно-управленческой подсистемы как фактора в обеспечении жизнестойкости арктического города [23, с. 164]. Другой исследователь, Б. В. Никитин, в своей работе проводит оценку жизнестойкости городов АЗРФ с точки зрения их экономической специализации [24].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Таким образом, несмотря на то что теоретические положения концепции жизнестойкости применительно к социально-территориальным системам вошли в арсенал отечественных исследователей и с успехом используются, например, при изучении потенциала развития арктических городов, количество специальных работ, посвященных вопросам жизнестойкости сельских поселений вообще и арктических сельских сообществ в частности, остается недостаточным. Настоящая статья, вписываясь в общее направление исследований жизнестойкости территорий АЗРФ, предлагает некоторые оригинальные методологические разработки, позволяющие осуществлять комплексную численную оценку жизнестойкости сельских сообществ с учетом арктической специфики.

Методология

Предлагаемая в статье методология оценки жизнестойкости арктических сельских сообществ основывается на процедуре расчета интегрального индекса жизнестойкости, описанной А. Н. Пилясовым и В. А. Молодцовой в их работе по сравнительному анализу жизнестойкости городов АЗРФ. Эта процедура предполагает количественную оценку по совокупности индикаторов, отражающих три основных параметра: местоположение, пространственная структура и пластичность городской системы. Первый параметр отражает географическое положение города и физико-географические характеристики территории, на которой он располагается. Второй описывает его пространственную структуру, включая состояние жилищного фонда. Третий параметр раскрывает «структурную гибкость» города и включает индикаторы финансово-экономических инфраструктурных и трудовых ресурсов арктического города, обеспечивающих его способность к адаптации и «регенерации» [22, с. 13–19].

Поскольку второй параметр специфичен для городских поселений, он, очевидно, не является валидным для оценки жизнестойкости села. Кроме того, описанный методологический подход в большей мере направлен на измерение ресурсообеспеченности города и не уделяет должного внимания характеристикам локального сообщества. Эти обстоятельства побудили нас модифицировать этот подход с учетом особенностей сельского сообщества как эмпирического объекта. В результате нами было переосмыслено содержание параметров, выделяемых в оригинальной методике, и, как следствие, частично пересмотрен состав показателей для их измерения. Параметр «местоположение» оценивается нами посредством тех же индикаторов, что и в исходной

методике А. Н. Пилясова. Вместо параметра «пластичность», характеризующего в основном экономические ресурсы города, предложен параметр «локальная экономика» с заменой показателей на более релевантные для сельской местности.

Дополнительно введен параметр «потенциал сообщества», включающий показатели для оценки неэкономических ресурсов сельского сообщества [25, с. 180–182]. В рамках этого параметра особо выделяется индикатор социального капитала, сам по себе имеющий комплексный характер. Со времен первых работ Р. Патнэма под социальным капиталом понимались личные связи между индивидами, обеспечивающие солидарность и взаимную поддержку [26, р. 66–67]. Признаками устойчивости таких связей считаются, прежде всего, высокий уровень доверия в сообществе, а также следование общезначимым нормам и участие в добровольных гражданских ассоциациях [27]. В контексте нашего исследования и с учетом используемой методики получения данных (см. ниже) соблюдение социальных норм как показатель социального капитала является не чувствительным к локальным различиям: в компактных сельских сообществах с характерным для них отсутствием анонимности люди будут не только декларировать приверженность нормам, но и действительно стараться следовать им в повседневной жизни. Участие в добровольных объединениях также не является в нашем кейсе валидным показателем: как будет показано ниже, сколько-нибудь массового участия сельских жителей в формализованных объединениях не наблюдается, имеющие место общественные инициативы — плод усилий отдельных активистов, как правило, связанных с сельской администрацией и муниципальными учреждениями культуры / образования. Тем не менее сами по себе разного рода инициативные социальные проекты, работа ТОСов, спланированные местное население праздничные и увеселительные публичные мероприятия важны с точки зрения ресурсов жизнестойкости сообщества. В связи с этим нами был введен отдельный индикатор — «общественная активность». Для оценки же уровня социального капитала нами учитывались генерализованное доверие, выраженность локальной идентичности и плотность коммуникативной сети («соседская коммуникация»).

Система частных индикаторов, с помощью которых производится измерение ключевых факторов жизнестойкости сельских сообществ АЗРФ с ее последующей интегральной оценкой, представлена в табл. 1. В ней же представлены качественные критерии численной оценки по каждому индикатору.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Таблица 1

Система показателей для расчета интегрального индекса жизнестойкости сельских сообществ российской Арктики

Субиндекс	Показатель	Критерии значений*		
		0 — сообщаются с райцентрами и городами одним видом транспорта в зависимости от сезона	0,5 — в дополнение к «сезонным» видам сообщения имеют регулярное авиасообщение	1 — располагаются вблизи основных автодорог и железнодорожных магистралей региона
Место-положение (M1)	Географическое положение (M2)	0 — на морском побережье или на маленькой реке	0,5 — в бассейне крупной реки с прилегающими сельхоз- или лесными угодьями	1 — в устье крупной реки, впадающей в море
	Распространение вечной мерзлоты (M3)	0 — отсутствие мерзлоты	0,5 — мерзлота островного типа	1 — зона сплошной мерзлоты
	Занятость населения (Э1)	0 — низкая (преобладают неработающие пенсионеры)	0,33 — ниже среднего (меньшая часть занята в бюджетном секторе)	0,66 — средняя (значительная часть населения занята в бюджетном секторе) и на частных предприятиях)
Локальная экономика	Диверсификация хозяйственной деятельности (Э2)	0 — имеются только жизненно важные предприятия (ЖКХ, торговля)	0,5 — имеются предприятия сельского или лесного хозяйства	1 — помимо предприятий ЛПК, обработки местного сельхозсырья и т. д. имеются предприятия жилищно-коммунального хозяйства и на частных предприятиях)
	Развитие частного бизнеса (Э3)	0 — отсутствие частного бизнеса	0,5 — единичные фермерские хозяйства, ИП в сфере торговли, услуг	1 — наличие нескольких частных малых предприятий (и / или среднего) в производственном секторе
	Натуральное хозяйство (Э4)	0 — меньшая часть населения занимается подсобным хозяйством и / или промыслами (для личного потребления)	0,5 — примерно половина семей занимается подсобным хозяйством и / или промыслами	1 — большая часть населения занимается подсобным хозяйством и / или промыслами
Потенциал сообщества	Демографический потенциал (С1)	0 — почти всё население пенсионного возраста	0,33 — большая часть населения пенсионного возраста, но имеются молодые и среднего возраста семьи с детьми	1 — большая часть населения (2/3 и более) — молодые и среднего возраста семьи с детьми
	Социальный капитал (С2)	0 — низкие уровни доверия и повседневная локальная идентичность коммуникации**; слабо выраженная локальная идентичность	0,5 — средние уровни доверия, соседской коммуникации, локальной идентичности	1 — высокие уровни доверия, соседской коммуникации, локальной идентичности
	Общественная активность (С3)	0 — низкая: нет ТОСов, мало гражданских инициатив, слабый интерес к публичным мероприятиям	0,5 — умеренная: есть ТОСы и / или периодически возникают общественные инициативы, адресная вовлеченность в публичные мероприятия	1 — высокая: есть ТОСы и / или общественные объединения, регулярные общественные инициативы, массовая вовлеченность в публичные мероприятия
Доступ к административной муниципальной власти (С4)		0 — до административной власти можно добраться только с помощью какого-либо транспортного средства	0,5 — администрация расположена в близлежащем населенном пункте	1 — администрация располагается в самом поселении

Примечание. Источник: адаптированная авторами для сельских территорий методика оценки жизнестойкости А. Н. Пилясова.

* Значение каждого показателя предлагается определять на отрезке от 0 до 1 с шагом, равным $1/k-1$, где k — число возможных значений i -го показателя.

** Повседневная соседская коммуникация оценивалась как низкая, если, по оценкам экспертов, жители деревни регулярно общаются только с ближайшими соседями и односельчанами-родственниками, а с остальными — только в случае практической необходимости или в связи с рабочими обязанностями; высокий уровень соседской коммуникации фиксирует обратную ситуацию.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Для оценки жизнестойкости арктических городов А. Н. Пилясов с соавторами обращаются в основном к официальным статистическим данным. Доступность, точность и полнота этих данных по выбранным ими показателям обеспечивает надежность расчетов и выводов. Однако в отношении сельских поселений статистические данные отличаются недостаточной полнотой⁷, точностью⁸ и оперативностью. Компенсировать эти недостатки статистического учета можно, обращаясь к социологическим методам получения эмпирических данных — экспертным и массовым выборочным опросам.

В настоящей статье авторы для численной оценки по частным индикаторам обращаются к качественным данным, собранным в рамках экспертного опроса на территориях семи муниципальных образований Заполярного района НАО. Всего было проведено 10 экспертных интервью. В качестве экспертов привлекались представитель районной администрации, депутат райсовета, главы муниципалитетов (сельсоветов), а также представители руководства опорных учреждений⁹. При рекрутинге экспертов применялся в основном формальный критерий отбора. В случае невозможности его применения (например, при отказе от интервью главы сельсовета, руководителя ключевого предприятия и т. д.) мы обращались к процедуре «снежного кома»¹⁰ для выхода на подходящего эксперта.

Средняя продолжительность интервью составила ≈ 1,5 часа. Тип интервью — неформализованное, с преобладанием открытых вопросов [29, с. 37–42]. В гайде интервью все вопросы были сгруппированы в несколько проблемно-тематических блоков: 1) социально-экономическое положение в населенном пункте; 2) природно-географическая среда и экологическая обстановка; 3) инфраструктурное развитие населенного пункта; 4) общественная активность и гражданские ассоциации; 5) кооперация / конфликтность внутри локального сообщества; 6) условия сохранения

локального сообщества и перспективы развития населенного пункта. В рамках каждого блока применялся принцип «прямой воронки» (от общего вопроса к частным) [29, с. 71–72].

Следует также отметить, что среди индикаторов есть такие, которые не требуют обращения к материалам статистических служб или опросным данным (тип распространения многолетней мерзлоты, географическое положение поселения и расстояние от поселения до населенного пункта, где располагается муниципальная администрация).

Важным этапом предварительной методической работы стал расчет весовых коэффициентов, отражающих неодинаковый вклад факторов в обеспечение жизнестойкости арктических сельских сообществ. Процедура определения весовых коэффициентов была осуществлена методом ранжирования на основе формализованных экспертных оценок [30, с. 149–152]. Состав экспертов, привлеченных для участия в данной процедуре, частично совпадает с пулом экспертов, с которыми проводились полуструктурированные интервью, но кроме них привлекались бывшие главы сельских муниципалитетов и руководители опорных учреждений из районов Архангельской области, типологически схожих с обследованными сельскими территориями НАО (прибрежные поселения Приморского и Мезенского округов, Онежского района). Всего было опрошено 13 экспертов. Результаты расчетов приведены в табл. 2.

Следует отметить, что рассчитанные коэффициенты применимы исключительно к поселениям в границах тех территорий (регионов), откуда привлекались эксперты. В арктических субъектах РФ, сельские территории которых существенным образом отличаются от них по нескольким из факторов жизнестойкости, ранжирование, а следовательно, и значение весовых коэффициентов могут быть значимо другими.

⁷ Самый «низовой» уровень статистического учета — уровень муниципального образования, которое может включать несколько поселений; по отдельным поселениям систематический учет не ведется.

⁸ По некоторым показателям, например «численность населения», статистика не отражает реальное количество постоянно проживающих в деревнях людей; показатель занятости населения не учитывает неформальную занятость, а производственные показатели не всегда и не для всех населенных пунктов учитывают производство продукции для нужд собственного потребления в личных подсобных хозяйствах (равно не охвачена статистическим учетом в полной мере и промысловая деятельность населения).

⁹ Опорные, или «якорные», учреждения / институты (anchor institutions) — формальные и неформальные организации, экономически и культурно значимые для жизни местного сообщества с точки зрения обеспечения занятости, досуга, доступа к общественным благам и социальным сервисам и т. п. [28, р. 232].

¹⁰ Метод «снежного кома» — метод неслучайного отбора участников интервью (как правило, для случаев целевой выборки), заключающийся в том, что каждый уже принявший участие в интервью информант (респондент) предоставляет информацию о нескольких других потенциально рекрутируемых для опроса лицах, соответствующих заранее заданным критериям.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Таблица 2

Весовые коэффициенты факторов жизнестойкости арктических сельских сообществ

	Индикаторы факторов										
	M1*	M2	M3	Э1	Э2	Э3	Э4	C1	C2	C3	C4
Σ (сумма баллов)**	36	66	76	47	52	64	89	52	61	63	100
r (среднее)	3,3	6,0	6,9	4,3	4,7	5,8	8,1	4,7	5,5	5,7	9,1
Ранг	1	8	9	2	3-4	7	10	3-4	5	6	11
w (вес)	0,132	0,091	0,077	0,117	0,110	0,094	0,059	0,110	0,098	0,095	0,044

Примечание. Источник: рассчитано авторами на основе экспертных оценок.

* В целях более компактного представления данных в табл. 2 вместо наименований индикаторов указаны их коды. Соответствие кодов индикаторам см. в табл. 1.

** Эксперты ранжировали 11 факторов жизнестойкости сообщества от самого важного (присваивалось значение «1») до наименее важного (присваивалось значение «11»). Чем выше сумма баллов, тем ниже значимость соответствующего фактора. Весовые коэффициенты рассчитывались по формуле $w = \frac{2(n+1-r)}{n(n+1)}$, где r — средний ранг фактора; n — число факторов.

Эмпирические материалы и результаты

В состав Заполярного района, который занимает практически всю территорию округа (за вычетом территории Нарьян-Мара), входит рабочий поселок Искателей (административный центр), в котором проживает 40,7 % жителей района. Остальное население проживает в 18 сельских поселениях,

каждое из которых включает от одного до нескольких населенных пунктов. Их совокупная доля в общей численности населения округа составляет 25,5 %, или 10551 человек (на 1 января 2023 г.). По доле сельского населения НАО занимает третье место в АЗРФ после арктических улусов Республики Саха и Чукотского автономного округа¹¹ (рис. 1).

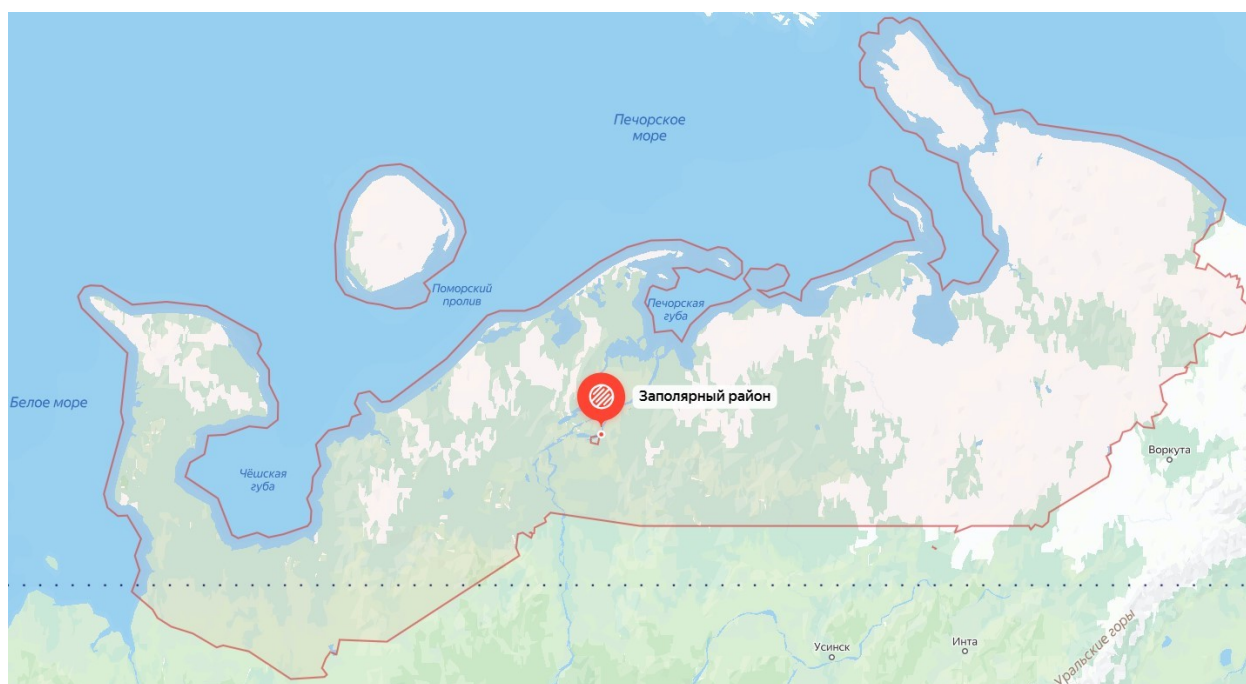

Рис. 1. Заполярный район НАО: красной линией обозначены границы района, меткой в центральной части карты — п. Искателей. Источник: Яндекс Карты

¹¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года // Федеральная служба

государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 20.04.2024).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

С точки зрения демографического потенциала ситуация в сельской части района в целом остается негативной (рис. 2), что само по себе является симптомом снижающейся жизнестойкости. Однако, как будет показано далее, демографическое положение в Заполярном районе сильно дифференцировано по муниципалитетам, а также внутри них: есть как стабилизированные с точки зрения численности населения сёла и деревни, так и фактически «вымирающие».

Выборка сельских муниципалитетов, жизнестойкость сообществ которых анализируется в нашей статье, включает семь сельсоветов, различающихся по численности населения и числу населенных пунктов (табл. 3).

Географически они разбросаны с запада на восток от беломорского побережья (полуостров Канин) до Большеземельской тундры. В центральной части района — в низовье реки Печоры, в том числе вблизи Нарьян-Мара, локализованы населенные пункты Приморско-Куйского, Пустозерского, Тельвисочного сельсоветов. К юго-западу от этой территории находится село Коткино (рис. 3). В западной части, на побережье Белого моря, Мезенского залива, Чёшской губы и в бассейне реки Пёши, располагаются территории Канинского и Пёшского сельсоветов (рис. 4). Вне этих ареалов на юго-западе округа располагается Хоседа-Хардский сельсовет, единственный поселок которого (Харута) является эксклавом, окруженным со всех сторон территориями Республики Коми.

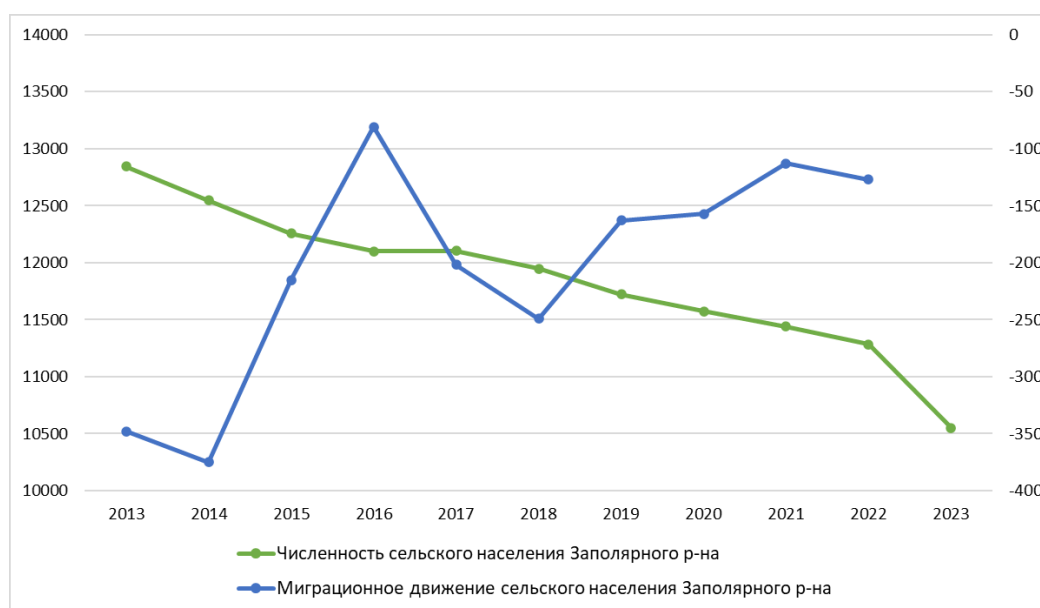

Рис. 2. Динамика численности сельского населения НАО (человек, левая шкала) и миграционный прирост сельского населения НАО (человек, правая шкала). *Источник:* составлено авторами на основе данных Росстата: Заполярный район Ненецкого автономного округа. Паспорт муниципального образования // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst11&r=11811000

Таблица 3

Численность населения сельских муниципалитетов Заполярного района НАО, включенных в географию исследования

Муниципальное образование (сельсовет)	Численность населения на 1 января 2023 г., чел.	Количество поселений	Обследованные поселения
Канинский	1341	3	С. Несь, д. Чижа
Пустозерский	474	3	С. Оксина
Тельвисочный	559	3	С. Тельвиска, п. Макарово, д. Устье
Приморско-Куйский	1278	4	П. Красное, д. Куя, д. Осколково
Хоседа-Хардский	503	1	П. Харута
Пёшский	815	5	С. Нижняя Пёша, д. Верхняя Пёша, д. Волоковая, д. Белушье, д. Волонга
Коткинский	332	1	С. Коткино

Примечание. С. — село; п. — поселок; д. — деревня.

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

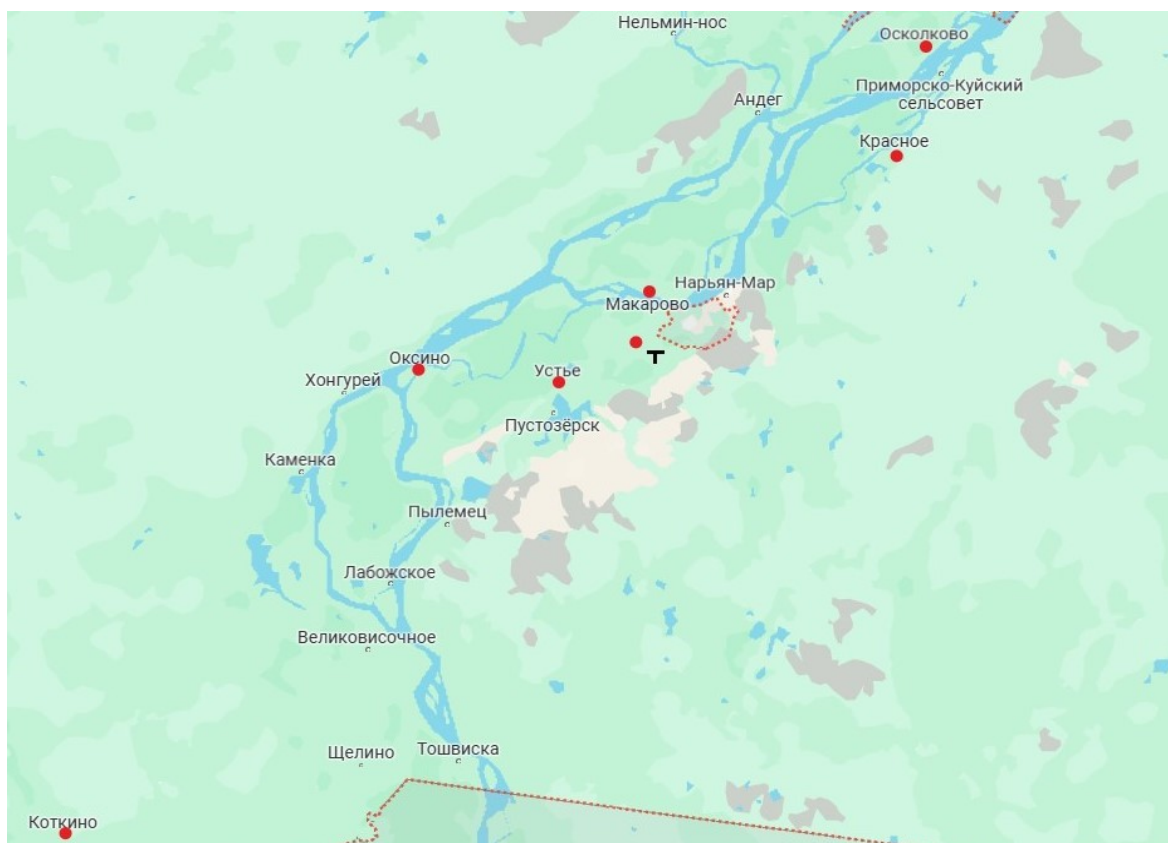

Рис. 3. Поселения центральной части Заполярного района, включенные в исследование (буквой т на карте обозначено село Тельвиска). Источник: Яндекс Карты

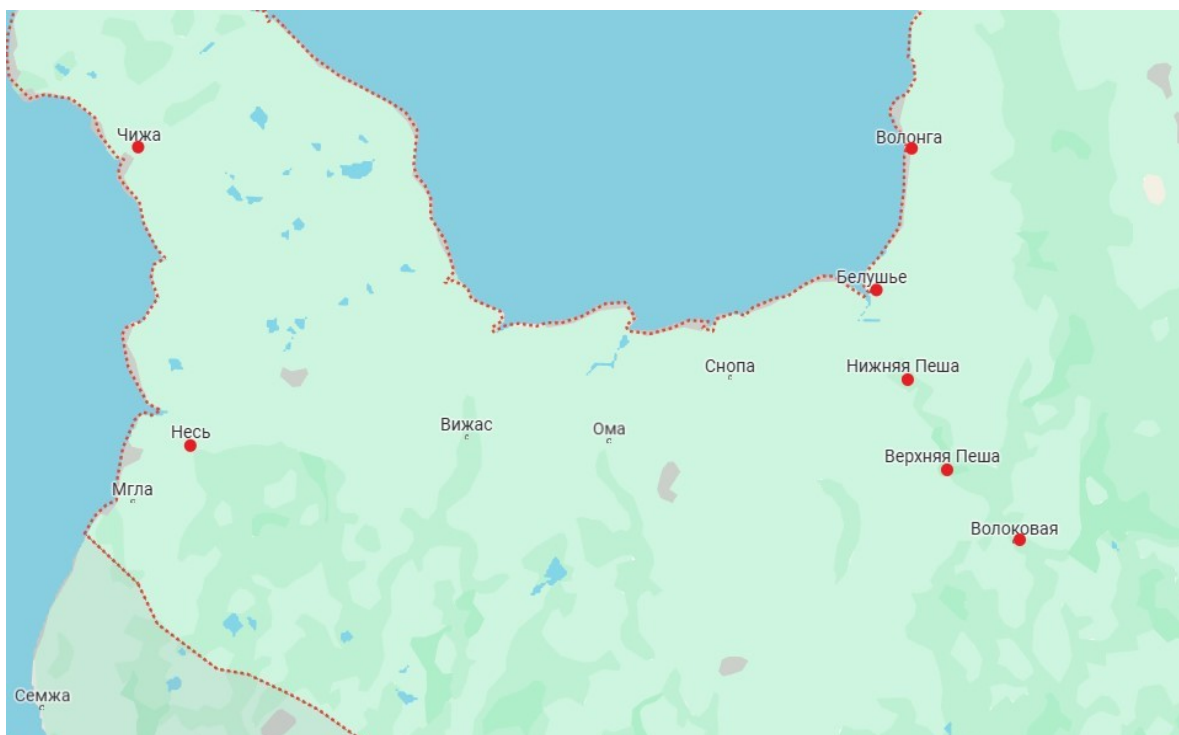

Рис. 4. Поселения западной части Заполярного района, включенные в исследование. Источник: Яндекс Карты

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

Взвешенные значения по всем 11 показателям, а также значения интегрального индекса жизнестойкости сообществ (resilience index, R-индекс)¹² включенных в исследование сельских поселений ($n = 16$) представлены в табл. 4. Сообщества ранжированы по значению R-индекса — от наиболее «жизнестойких» до самых уязвимых для внешних шоков. Все указанные населенные пункты располагаются на территориях с многолетней мерзлотой островного типа [31, с. 317]. Соответственно, они имеют одинаковое значение по этому индикатору. Что касается географического положения, то наиболее выгодное оно у сельских поселений по нижнему течению Печоры: относительная близость к Нарьян-Мару и автомобильной дороге на Усинск, расположение в акватории важной транспортной артерии, доступ и к речным, и к морским биоресурсам, а также ресурсам лесотундры, наличие пастбищ для выпаса оленей. Остальные сельские поселения

располагаются либо на морском побережье вдали от крупных рек, либо внутри континента в бассейне небольших рек и имеют ограниченные ресурсы для занятия сельским хозяйством, главным образом рыболовством и оленеводством. Разброс значений по остальным индикаторам (определены посредством экспертных оценок) показывает выраженные различия между сообществами крупных поселений (как правило, административных центров) и значительно более маленьких периферийных деревень. Примечательно, что в последних мы обнаруживаем больший крен в сторону автономности — «опоры на собственные силы», что наглядно проявляется в более высоких значениях социального капитала и роли личного подсобного хозяйства и промыслов в жизнеобеспечении домохозяйств.

Расчет R-индексов для 16 сельских сообществ НАО и их ранжирование позволили разделить их на 4 группы (табл. 5).

Таблица 4

Жизнестойкость сельских сообществ Заполярного района НАО:
взвешенные значения частных индикаторов и значения интегрального индекса

Населенный пункт	Индикаторы											R-индекс
	M1	M2	M3	Э1	Э2	Э3	Э4	C1	C2	C3	C4	
Красное	0,13	0,09	0,04	0,12	0,11	0,05	0,00	0,11	0,05	0,05	0,04	0,79
Тельвиска	0,13	0,09	0,04	0,08	0,06	0,05	0,06	0,07	0,1	0,05	0,04	0,76
Коткино	0,07	0	0,04	0,12	0,11	0,05	0,06	0,11	0,1	0,05	0,04	0,74
Харута	0,07	0	0,04	0,12	0,11	0,05	0,06	0,11	0,1	0,05	0,04	0,74
Оксино	0,07	0,09	0,04	0,12	0,06	0,05	0,03	0,07	0,1	0,05	0,04	0,71
Несь	0,07	0	0,04	0,12	0,06	0,05	0,06	0,11	0,05	0,05	0,04	0,63
Нижняя Пёша	0,07	0	0,04	0,12	0,11	0,05	0,03	0,11	0,05	0	0,04	0,61
Макарово	0,13	0,09	0,04	0,04	0	0	0,06	0	0,1	0	0,02	0,48
Верхняя Пёша	0,07	0	0,04	0,08	0,06	0,05	0,03	0,07	0,05	0	0,02	0,46
Волоковая	0,07	0	0,04	0,08	0,06	0,05	0,06	0,04	0,05	0	0,02	0,45
Устье	0,13	0,09	0,04	0	0	0	0,06	0	0,1	0	0,02	0,44
Чижа	0,07	0	0,04	0,08	0	0,05	0,06	0,04	0,1	0	0	0,42
Белушье	0,07	0	0,04	0,04	0	0,05	0,06	0	0,1	0	0	0,35
Куя	0	0,09	0,04	0	0	0	0,06	0	0,1	0	0,02	0,31
Осколково	0	0,09	0,04	0	0	0	0,06	0	0,1	0	0,02	0,31
Волонга	0	0	0,04	0,04	0,06	0	0,06	0	0,1	0	0	0,29

Примечание. Источник: составлено авторами на основе собственных расчетов.

Таблица 5

Классификация сельских сообществ Заполярного района НАО по индексу жизнестойкости

Значение R-индекса	Состав группы	Уровень жизнестойкости
0,2–0,35	Белушье, Волонга, Куя, Осколково	Низкий
0,36–0,5	Верхняя Пёша, Волоковая, Макарово, Устье, Чижа	Пониженный
0,51–0,65	Несь, Нижняя Пёша	Средний
0,66–0,8	Коткино, Красное, Оксино, Тельвиска, Харута	Повышенный

Примечание. Источник: составлено авторами.

¹² Рассчитан как сумма взвешенных значений.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

В первую группу включены труднодоступные поселения, в которых наблюдаются дефицит рабочих мест, низкая диверсификация локальной экономики, почти полное отсутствие предпринимательской активности, старение населения. Вместе с тем в них фиксируется высокий уровень социального капитала.

Вторая представлена поселениями, транспортная доступность которых остается ограниченной, но, в сравнении с первой группой, заметно выше¹³. При этом их можно разделить на две подгруппы. В первой (Верхняя Пёша, Волоковая, Чиж) фиксируются средние уровни развития местных экономик и демографического потенциала. Во второй (поселения Тельвисочного сельсовета) хозяйственная стагнация и старение населения компенсируются близостью к столице НАО и ключевым для региона транспортным магистралям, а также высокими значениями социального капитала.

Третья группа — административные центры периферийных муниципалитетов Заполярного района. Их отличает ограниченная транспортная доступность, умеренный уровень социального капитала, но, в то же время, сравнительно высокие значения экономических показателей и демографического потенциала.

Четвертая группа включает муниципальные центры, расположенные либо в низовье Печоры (вблизи Нарьян-Мара), либо на границе с соседним регионом. Они характеризуются относительно развитой локальной экономикой, большим демографическим потенциалом и в целом высоким уровнем социального капитала. Следует также отметить, что за единственным исключением (с. Несь) только в этой группе мы наблюдаем средние значения оценки общественной активности, тогда как в остальных она находится на низком уровне.

Заключение

Подводя итоги, обобщим основные результаты нашей статьи. Во-первых, была предложена и апробирована на конкретном эмпирическом материале методика оценки жизнестойкости, модифицированная специально для изучения арктических сельских сообществ. Была произведена корректировка экспертных оценок по каждому из используемых индикаторов с помощью предварительно рассчитанных весовых коэффициентов. Это позволило повысить чувствительность инструментария и ранжировать по интегральному индексу жизнестойкости сообществ все 16 изученных поселений. Во-вторых, полученные значения индекса стали основой для классификации этих поселений и выделения

четырёх качественно различных групп: 1) изолированные поселения с низким уровнем жизнестойкости; 2) уязвимые для внешних шоков (уровень жизнестойкости — ниже среднего); 3) относительно устойчивые административные центры сельских территорий; 4) крупные, развитые и устойчивые сельские сообщества. В-третьих, сравнение типологических особенностей этих групп дало возможность выделить ключевые факторы дифференциации уровня жизнестойкости сообществ, которые в совокупности и определили попадание поселения в ту или иную группу. К этим факторам относятся географическое положение, транспортно-логистические возможности, развитость локальной экономики и демографический потенциал сообщества. В-четвертых, несмотря на все различия между группами, в целом для сельских сообществ НАО характерен высокий уровень социального капитала.

Полученные результаты не сводятся только лишь к эмпирическим обобщениям, релевантным для конкретного региона. Предлагаемые в статье подход и методика могут быть применимы при изучении арктических сельских территорий и в других субъектах РФ. Выявленные нами типологические различия между сельскими сообществами с разным уровнем жизнестойкости могут служить ориентиром для построения классификаций, аналогичных нашей, на ином эмпирическом материале. Важным ограничением при этом является то обстоятельство, что определенные нами на основе формализованных экспертных оценок веса факторов жизнестойкости справедливы не для всех арктических территорий, а лишь для тех, которые структурно схожи с Заполярным районом НАО, в противном случае требуется обязательный пересчет весовых коэффициентов. Материалы статьи имеют также практическую значимость, поскольку высвечивают для разных групп сельских поселений НАО свои специфические проблемы, требующие приоритетного разрешения.

Что касается перспективных направлений дальнейшего научного поиска в этой области, то нам представляется, что они заключаются: 1) в расширении географии исследований (в границах АЗРФ); 2) обращении к более формализованным методам сбора количественных данных, что позволит повысить чувствительность используемых шкал, надежность и точность оценок по индикаторам жизнестойкости сообществ; 3) использовании статистических методов классификации сельских поселений, в частности кластерного анализа, с целью увеличения комплексности и содержательной глубины предлагаемой в статье классификации.

¹³ Внутри муниципалитета они связаны между собой и с административным центром круглогодичными автодорогами; часть из них имеет регулярное авиасообщение с Нарьян-Маром и / или Архангельском.

Список источников

1. Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 19–47.
2. Торопушина Е. Е., Башмакова Е. П., Рябова Л. А. Социальная Арктика. Практики социального партнерства в развитии арктических территорий: научно-аналитический доклад / под науч. ред. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: Издательство ФИЦ КНЦ РАН, 2020. 76 с. DOI: 10.37614/978.5.91137.442.6.
3. Маркварт Э., Киселева Н. Н., Соснин Д. П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. 2022. Т. 30, № 2. С. 95–111. DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939.
4. Иванов В. А. Развитие сельских территорий северного региона: проблемы, направления и механизмы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2020. № 1 (67). С. 127–139. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2020.67.011.
5. Секушина И. А. Возможности практического применения методических рекомендаций по определению опорных населенных пунктов (на примере Европейского Севера России) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 160–174. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.011.
6. Пилясов А. Н., Гальцева Н. В., Атаманова Е. А. Экономика арктических «островов» (на примере Ненецкого и Чукотского автономных округов) // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 1. С. 114–125.
7. Bruneau M., Chang S. E., Eguchi R. T., Lee G. C., O'Rourke T. D., Reinhorn A. M., Shinozuka M., Tierney K., Wallace W. A., von Winterfeldt D. A Framework to Quantitatively Assess and Enhance the Seismic Resilience of Communities. *Earthquake Spectra*, 2003, No. 19 (4). P. 1–15. URL: https://www.researchgate.net/publication/241144902_A_Framework_to_Quantitatively_Assess_and_Enhance_the_Seismic_Resilience_of_Communities DOI:10.1193/1.1623497.
8. Foster K. A. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience // Working paper 2007–2008. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, 2007. vol. 8. 42 p.
9. Dabson B., Heflin C. M., Miller K. K. Regional resilience. RUPRI rural futures lab research and policy brief // National Association of Development Organizations Research Foundation. U. S. Economic Development Administration. 2012. 39 p.
10. Ненашева М. В. Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направления исследований // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 262–273. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.51.262.
11. Wilbanks T. J. Enhancing the resilience of communities to natural and other hazards: What we know and what we can do // *Natural Hazards Observer*. 2008. Vol. 32, No. 5. P. 10–11.
12. Fabbricatti K., Boissenin L., Citoni M. Heritage Community Resilience: towards new approaches for urban resilience and sustainability // *City, Territ and Architecture*. 2020. Vol. 7, No. 1. P. 1–20. DOI:10.1186/s40410-020-00126-7.
13. Cariolet J. M., Vuillet M., Diab Y. Mapping Urban Resilience to Disasters — A Review // *Sustainable Cities and Society*. 2019. Vol. 51. URL: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.scs.2019.101746?ysclid=lv9mfnv8mj440720305>. DOI: 10.1016/j.scs.2019.101746.
14. Fleming A. R., Ysasi N. A., Harley D. A., Bishop M. L. Resilience and Strengths of Rural Communities // *Disability and Vocational Rehabilitation in Rural Settings*. 2018. P. 117–136. DOI: 10.1007/978-3-319-64786-9_7.
15. Li Y., Westlund H., Liu Y. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world // *Journal of Rural Studies*. 2019. Vol. 68. P. 135–143. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2019.03.003.
16. Li Y., Song C., Huang H. Rural Resilience in China and Key Restriction Factor Detection // *Sustainability*. 2021. No. 13 (3). P. 1–16. DOI: 10.3390/su13031080.
17. Liu Y., Cao L., Yang D., Anderson B. C. How social capital influences community resilience management development // *Environmental Science & Policy*. 2022. Vol. 136. P. 642–651. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.07.028.
18. Лидовская Л. Ф. Жизнестойкость территории в условиях глобализации // *Вестник экспертного совета*. 2015. № 2. С. 33–38.
19. Бочко В. С. Жизнестойкость территории: содержание и пути укрепления // *Экономика региона*. 2013. № 3. С. 26–37. DOI: 10.17059/2013-3-2.
20. Замятина Н. Ю., Котов Е. А. и др. Оценка потенциала жизнестойкости городов Российской Арктики // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. 2022. № 5. С. 52–65.
21. Замятина Н. Ю., Медведков А. А., Поляченко А. Е., Шамало И. А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2020. № 65 (3). С. 481–505. DOI: 10.21638/spbu07.2020.305.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

22. Пилясов А. Н., Молодцова В. А. Жизнестойкость арктических городов России: методологические подходы и количественные оценки // Известия Коми научного центра УрО РАН. Сер. Экон. науки. 2021. № 2 (48). С. 5–26. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-2-5-26.
23. Пилясов А. Н., Молодцова В. А. Оценка управления арктическими городами в контексте обеспечения их жизнестойкости // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 164–188. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.164.
24. Никитин Б. В. Оценка потенциала жизнестойкости городов российской Арктики: фактор экономической специализации // Арктика: экология и экономика. 2023. Т. 13, № 1. С. 106–118. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-1-106-118.
25. Ненашева М. В., Максимов А. М. Оценка жизнестойкости сельских сообществ севера России (на примере поселений Архангельской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 175–188. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.012.
26. Putnam, R. D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital // Journal of Democracy. 1995. No. 6 (1). P. 65–78.
27. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation // The Quarterly journal of economics. 1997. No 4. P. 1251–1288.
28. McAreavey R. Finding rural community resilience: Understanding the role of anchor institutions // Journal of Rural Studies. 2022. No. 96. P. 227–236. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.10.014.
29. Белановский С. А. Глубокое интервью и фокус-группы. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2019. 377 с.
30. Максимов А. М., Тутыгин А. Г., Малинина К. О., Чижова Л. А., Блынская Т. А. Проблемные вопросы методологии оценки социального благополучия населения в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9.
31. Методы оценки последствий изменения климата для физических и биологических систем / под науч. ред. С. М. Семенова. М.: Росгидромет, 2012. 512 с.

References

1. Fauzer V. V. Demograficheskiy potentsial severnykh regionov Rossii kak faktor ekonomicheskogo osvoeniya Arktiki [The demographic potential of Russia's northern regions as a factor of the economic development of the Arctic]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, No. 10, pp. 19–47. (In Russ.).
2. Toropushina E. E., Bashmakova E. P., Riabova L. A. *Sotsial'naya Arktika. Praktiki sotsial'nogo partnerstva v razviti arkticheskikh territorii: nauchno-analiticheskii doklad* [Social Arctic. Practices of social partnerships in the development of the Arctic territories: A research-and-analysis report]. Edited by E. E. Toropushina. Apatity, FRC KSC RAS, 2020, 76 p. DOI: 10.37614/978.5.91137.442.6. (In Russ.).
3. Markvart E., Kiseleva N. N., Sosnin D. P. Sistema opornykh naseleennykh punktov kak mekhanizm upravleniya prostranstvennym razvitiem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [The system of central (reference) settlements as a management tool: Theoretical and practical aspects]. *Vlast'* [Power], 2022, Vol. 30, No. 2, pp. 95–111. DOI: 10.31171/vlast.v30i2.8939. (In Russ.).
4. Ivanov V. A. Razvitie sel'skikh territorii severnogo regiona: problemy, napravleniya i mekhanizmy [Development of rural areas of the northern region: problems, directions and mechanisms]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and The Market: Forming the Economic Order], 2020, No. 1 (67), pp. 127–139. <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2020.67.011>. (In Russ.).
5. Sekushina I. A. Vozmozhnosti prakticheskogo primeneniya metodicheskikh rekomendatsii po opredeleniyu opornykh naseleennykh punktov (na primere Evropeiskogo Severa Rossii) [Practical application of methodological recommendations for identifying key settlements: A case study of the European North of Russia]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and The Market: Forming the Economic Order], 2023, No. 2, pp. 160–174. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2023.80.011. (In Russ.).
6. Pilyasov A. N., Gal'tseva N. V., Atamanova E. A. Ekonomika arkticheskikh "ostrovov" (na primere Neneckogo i Chukotskogo avtonomnykh okrugov) [Economy of the Arctic "Islands": The Case of Nenets and Chukotka Autonomous Okrugs]. *Ekonomika regiona* [Economy of regions], 2017, Vol. 13, No. 1, pp. 114–125. DOI: 10.17059/2017-1-11. (In Russ.).
7. Bruneau M., Chang S. E., Eguchi R. T., Lee G. C., O'Rourke T. D., Reinhorn A. M., Shinozuka M., Tierney K., Wallace W. A., von Winterfeldt D. A framework to quantitatively assess and enhance the seismic resilience of communities. *Earthquake Spectra*, 2003, No. 19 (4). P. 1–15. Available at: https://www.researchgate.net/publication/241144902_A_Framework_to_Quantitatively_Assess_and_Enhance_the_Seismic_Resilience_of_Communities DOI:10.1193/1.1623497.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

8. Foster K. A. *A case study approach to understanding regional resilience a case study approach to understanding regional resilience*. UC Berkeley, Institute of Urban and Regional Development, 2007, 42 p.
9. Dabson B., Heflin C. M., Miller K. K. *Regional resilience. RUPRI rural futures lab research and policy brief*. National Association of Development Organizations Research Foundation. U. S. Economic Development Administration, 2012, 39 p.
10. Nenasheva M. V. Zhiznestoikost' arkticheskikh soobshchestv: kontseptsiya, metodologiya i napravleniya issledovaniy [Resilience of Arctic communities: Concept, methodology and research directions]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, No. 51, pp. 262–273. DOI:10.37482/issn2221-2698.2023.51.262. (In Russ.).
11. Wilbanks T. J. Enhancing the resilience of communities to natural and other hazards: What we know and what we can do. *Natural Hazards Observer*, 2008, Vol. 32, No. 5, pp. 10–11. DOI:10.1007/978-3-319-64786-9_7.
12. Fabbriacci K., Boissenin L., Citoni M. Heritage Community Resilience: towards new approaches for urban resilience and sustainability. *City, Territ and Architecture*, 2020, Vol. 7, No. 1, pp. 1–20. DOI:10.1186/s40410-020-00126-7.
13. Cariolet J. M., Vuillet M., Diab Y. Mapping Urban Resilience to Disasters — A Review. *Sustainable Cities and Society*, 2019, Vol. 51. Available at: <https://www.sci-hub.ru/10.1016/j.scs.2019.101746?ysclid=lv9mfnv8mj440720305>. DOI: 10.1016/j.scs.2019.101746.
14. Fleming A. R., Ysasi N. A., Harley D. A., Bishop M. L. Resilience and Strengths of Rural Communities. *Disability and Vocational Rehabilitation in Rural Settings*. Springer, Cham, 2018, pp. 117–136. DOI:10.1007/978-3-319-64786-9_7.
15. Li Y., Westlund H., Liu Y. Why some rural areas decline while some others not: An overview of rural evolution in the world. *Journal of Rural Studies*, 2019, Vol. 68, pp. 135–143. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2019.03.003.
16. Li Y., Song C., Huang H. Rural Resilience in China and Key Restriction Factor Detection. *Sustainability*, 2021, No. 13 (3), pp. 1–16. DOI: 10.3390/su13031080.
17. Liu Y., Cao L., Yang D., Anderson B. C. How social capital influences community resilience management development. *Environmental Science and Policy*, 2022, Vol. 136, pp. 642–651. DOI: 10.1016/j.envsci.2022.07.028.
18. Lidovskaya L. F. Zhiznestoikost' territorii v usloviyakh globalizatsii [The viability of the territory in the globalization]. *Vestnik ekspertnogo soveta* [Vestnik of the Expert Council], 2015, No. 2, pp. 33–38. (In Russ.).
19. Bochko V. S. Zhiznestoikost' territorii: sodержanie i puti ukrepleniya [Vital Stability of Territory: The Contents and Ways of Strengthening]. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2013, No. 3, pp. 26–37. DOI: 10.17059/2013-3-2. (In Russ.).
20. Zamjatina N. Yu., Kotov E. A., Goncharov R. V., Burceva A. V., Grebenets V. I., Medvedkov A. A., Molodtsova V. A., Klyueva V. P., Kul'chitskii Yu. V., Mironova B. A., Nikitin B. V., Pilyasov A. N., Polyachenko A. E., Poturaeva A. V., Streletskii D. A., Shamalo I. A. Ocenka potentsiala zhiznestoikosti gorodov Rossijskoj Arktiki [Resilience potential of the Russian Arctic cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya* [Lomonosov Geography Journal], 2022, No. 5, pp. 52–65. (In Russ.).
21. Zamyatina N. Yu., Medvedkov A. A., Polyachenko A. E., Shamalo I. A. Zhiznestoikost' arkticheskikh gorodov: analiz podkhodov [Resilience of Arctic cities: An analysis of the approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle* [Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences], 2020, No. 65 (3), pp. 481–505. DOI: 10.21638/spbu07.2020.305. (In Russ.).
22. Pilyasov A. N., Molodtsova V. A. Zhiznestoikost' arkticheskikh gorodov Rossii: metodologicheskie podkhody i kolichestvennye otsenki [Resilience of Russian Arctic cities: methodological approaches and quantitative assessments]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Komi Science Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2021, No. 2 (48), pp. 5–26. DOI: 10.19110/1994-5655-2021-2-5-26. (In Russ.).
23. Pilyasov A. N., Molodtsova V. A. Otsenka upravleniya arkticheskimi gorodami v kontekste obespecheniya ikh zhiznestoikosti [Assessment of the governance of Arctic cities in the resilience context]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2022, No. 48, pp. 164–188. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.164. (In Russ.).
24. Nikitin B. V. Otsenka potentsiala zhiznestoikosti gorodov rossiiskoi Arktiki: faktor ekonomicheskoi spetsializatsii [Assessing the Resilience Potential of the Russian Arctic Cities: The Factor of Economic Specialization]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economy], 2023, vol. 13, No. 1, pp. 106–118. DOI: 10.25283/2223-4594-2023-1-106-118. (In Russ.).
25. Nenasheva M. V., Maksimov A. M. Otsenka zhiznestoikosti sel'skikh soobshchestv severa Rossii (na primere poseleniy Arkhangel'skoi oblasti) [Assessing the resilience of rural communities in the Russian North: A case study of Arkhangel'sk region communities]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, vol. 26, No. 2 (80), pp. 175–188. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.012. (In Russ.).
26. Putnam, R. D. Bowling Alone: America's Declining Social Capital. *Journal of Democracy*, 1995, No. 6 (1), pp. 65–78.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ

27. Knack S., Keefer P. Does social capital have an economic payoff? A cross-country investigation. *The Quarterly journal of economics*, 1997, No 4, pp. 1251–1288.
28. McAreavey R. Finding rural community resilience: Understanding the role of anchor institutions. *Journal of Rural Studies*, 2022, No. 96, pp. 227–236. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2022.10.014.
29. Belanovskii S. A. *Glubokoe interv'yu i fokus-gruppy* [In-depth interview and focus groups]. Moscow, 2019, 377 p. (In Russ.).
30. Maksimov A. M., Tutygin A. G., Malinina K. O., Chizhova L. A., Blynskaya T. A. Problemnye voprosy metodologii otsenki sotsialnogo blagopoluchiya naseleniya v sovremennoy Rossii [Issues of the methodology for assessing social well-being in contemporary Russia]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: Facts, trends, forecast], 2022, Vol. 15, No. 2, pp. 138–155. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.9. (In Russ.).
31. *Metody otsenki posledstviy izmeneniya klimata dlya fizicheskikh i biologicheskikh sistem* [Methods for assessing the effects of climate change on physical and biological systems]. Moscow, 2012, 512 p. (In Russ.).

Об авторах:

А. М. Максимов — канд. полит. наук, доц., старший научный сотрудник;

М. В. Малыгина — младший научный сотрудник.

About the authors:

A. M. Maksimov — PhD (Political Science), Associate Professor, Senior Researcher;

M. V. Malygina — Junior Researcher.

Статья поступила в редакцию 28 мая 2024 года.

Статья принята к публикации 6 сентября 2024 года.

The article was submitted on May 28, 2024.

Accepted for publication on September 6, 2024.